

Дмитрий
ПЛЫНОВ

Обреченный
на
бескорыстие

Роман

Дмитрий Плынов

Обреченный на бескорыстие

«Издательские решения»

2015

Плынов Д. Г.

Обреченный на бескорыстие / Д. Г. Плынов — «Издательские решения», 2015

В романе «Обреченный на бескорыстие» Дмитрий Плынов рассказал о жизни стопроцентно положительного героя, точнее, о трех разных этапах судьбы Владимира Пашкова.

© Плынов Д. Г., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Три жизни Владимира Пашкова	6
Обреченный	8
1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Обреченный на бескорыстие

Роман

Дмитрий Геннадиевич Плынов

© Дмитрий Геннадиевич Плынов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Плынов Дмитрий Геннадиевич – писатель, художник, профессиональный психолог. Свою литературную деятельность начал в 1987 году в областной газете.

Долгое время работал на государственной службе. Имеет высшее образование в области психологии, педагогики, экономики, ученую степень кандидата наук.

Серьезно увлечен живописью. Участвовал во многих выставках как в России, так и за рубежом. Член Международного художественного фонда, творческого Союза профессиональных художников. Автор статей и монографий по вопросам творческого развития личности. Практикующий психолог, член Правления Профессионального медицинского объединения психотерапевтов.

Автор ряда романов, миниатюр, эссе, сценариев телевизионных художественных фильмов, активно сотрудничает с кинокомпаниями. Произведения опубликованы отдельным тиражом и в журналах. Продюсирует несколько культурологических проектов. Является главным редактором и учредителем литературно-публицистического журнала «Клаузура».

Живет в Москве.

Лауреат Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси»

Три жизни Владимира Пашкова

*«Разве нельзя быть обреченным на удачу,
на счастье, на успех».*

Дмитрий Плынов

Главный герой романа «Обреченный на бескорыстие» Владимир Пашков – уникальный персонаж в современной русской литературе. Да и в кинематографе двадцать лет уже такого характера не было. Каких персонажей мы ежедневно встречаем в книгах и на экране? Правильно, бандиты, сыщики, воры, мошенники, аферисты, коррупционеры, хищные богатеи – можете продолжать сами. Но такого, как Владимир Пашков, вы не назовете.

Дмитрий Плынов рассказал нам о жизни стопроцентно положительного героя, точнее о трех разных этапах судьбы своего героя.

С юных лет все хорошо складывается в судьбе Володи. Вырос он в благополучной семье боевого офицера, участвовавшего в сражениях в «горячих» точках в разных странах мира, где советские войска отстаивали интересы своей Родины. Хорошо был воспитан Володя своими родителями. Одна только неудача была в его юной жизни – не удалось поступить в московский вуз, пришлось заочно учиться в родном городе. Учиться и работать. Помимо основной работы удалось ему стать внештатным сотрудником главной газеты города. Стали печататься статьи, пришло уважение, забрезжила слава.

Удачно все складывалось в начале жизни у Владимира Пашкова. Но однажды вместе с областным театром провел молодой журналист один день в детском доме, пообщался с сиротами и, возвращаясь переполненный впечатлениями домой, невольно задумался: «Живешь, изо дня в день не замечаешь того, что ты благополучен, что всё у тебя есть: семья, родители, дом, ужин на столе. Мечтаешь о славе, гордишься какими-то заметками в газете, посещаешь мероприятия, развлекаешься. А что ты делаешь на самом деле? Кому-то помог? Может, бескорыстно доставил радость или посадил дерево? Нет, не у себя на участке и не во время субботника в сквере, а просто так, когда тебя никто не видит, когда не ждешь похвал и бурных оваций... Все, что я делаю, – пустое, песок, пыль, самая большая бесполезность в мире». И мысли эти стали точить его изо дня в день, пока он не решился полностью изменить свою жизнь, поступить в военное училище. Так началась вторая жизнь Владимира Пашкова.

Учеба в военном училище у него совпало с крушением СССР. Вот как автор описывает это время: «Разброд и шатание во всех сферах жизни людской – и в умах, и в душах. Ценности, некогда служившие опорой для большинства людей, были уничтожены в один миг. На замену пришло одно желание, одна цель, одна мечта – деньги... Армия находилась в состоянии, сравнимом с анархией. Оставались лишь небольшие подразделения, готовые выполнять приказы в любой момент. К таким подразделениям относилось и Володино училище. Вот и мотались курсанты по разным точкам. Месяц на базе, месяц в бою».

В одном из таких боев Володя был тяжело ранен, но выжил, вылечился и благополучно окончил училище. Перед ним встал сложный вопрос: как жить дальше? «Порой он поддавался общему настроению и хотел бросить все. Устроиться в „сто пятьдесят восьмой“ банк на улице Горького, в службу безопасности или открыть там же тысяча первое кафе», так рассказывает о его психологическом состоянии автор. Но нравственное воспитание, полученное в детстве, перевешивает, и Владимир Пашков принимает решение служить Отчизне и добру. Его направили в военную разведку, где он много лет успешно работает не за деньги, а за совесть. В эти годы он встретил свою любовь, создал крепкую нравственную семью. Но однажды уже в сорокалетнем возрасте после удачного завершения важнейшего задания по разоблачению матерого

шпиона, деятельность которого могла бы нанести значительный ущерб России, Владимир Пашков вместо того чтобы пожинать лавры, уходит в отставку и полностью отдается живописи.

Творческая жизнь успешного живописца – третья жизнь Владимира Пашкова. Естественно, незнакомая жизнь началась трудно. Никто не знал уже немолодого, начинающего художника. Нужно было с самого начала, шаг за шагом протаптывать свою тропинку в искусство. Благодаря упорству, терпению, целеустремленности наш герой добьется успеха и в этой жизни.

Чувствуется, что автор, рассказывая нам о судьбе главного героя, взял немало из своей жизни, потому-то многие эпизоды романа убедительны и психологически достоверны.

Иногда хочется поподробнее, в деталях увидеть некоторые сцены из жизни героя, кажется, что описаны они слишком пунктирно. Но такова, видимо, творческая манера автора.

В книгу включено несколько небольших литературных миниатюр под общим названием «Белое гнездо вороны» и рассказ «Кресло». Все они лирические, легкие, светлые. Примечательно в них то, что у всех рассказов неожиданный конец, который совсем в ином ракурсе высвечивает то, о чем мы прочитали.

Петр Алешкин

Обреченный на бескорыстие Роман

1

...От улицы Запотоцкого до улицы Ленина полчаса пешком. Тихим, свободным шагом. За это время можно осмотреть все достопримечательности этого города. Для местного жителя – их много, для приезжего из глубинки – их превеликое множество, а для профессионального туриста – их нет вовсе. Но какой колорит! Фасадная часть центральных улиц величава, горда, по-своему неповторима. И в тоже время создается впечатление, что эти дома как бы стесняются чего-то. Только потом понимаешь чего, когда заглянешь за «спину» шедевров современного зодчества и творений прошлого. А там, там сама суть города – настоящая, не прикрытая, правда и соль.

«Частный сектор» – так, скорее всего, называли бы современники строения аграрного прошлого. Во всем его многообразии и до боли в душе, и детской памяти, и дрожи в коленках, и скупой мужской слезы. Кажется, все узнаваемо. Дороги без дорог, заборы без оград, куры, гуси... Насчет домашней птицы и скота – скорее всего, их давно уже съели. И не потому, что времена голодные, а потому что город, да еще и столица, провинциальная, но столица. С Русским драматическим театром, с Академическим театром, Центральным рынком и даже Университетом. «Город контрастов» – забитая фраза, но именно она целиком и полностью имеет свое значение именно в этом городе. Наряду с монументальным архитектурным ансамблем пятидесятих годов двадцатого века, который известен всему миру как «Сталинский ампир», нашли свое место постройки, некогда называемые модными, в семидесятых, а также непонятной принадлежности «дома-универмаги», «дома-гастрономы» и, конечно же, «дома после капитального ремонта». И все это располагалось на центральных улицах, которых в этом «мегаполисе» было три, включая проспект. Они плотной стеной защищали неказистую правду – цивилизация доступна не всем! Даже в масштабах одного микрорайона. Те, кто жил среди всего этого, не замечали городской эклектики. Более того, обладатели квартир немного завидовали владельцам приусадебных участков и на оборот.

Владимир Пашков тоже не замечал окружавшее его многообразие. Всё было привычным. Шаг за шагом, не чувствуя дороги, не осознавая самой сути движения. И не только потому, что он родился здесь, вырос и теперь думает, что возмужал, окреп – стал взрослым. А еще и потому, что наступил момент в жизни, когда его личность стала приобретать значимость в глазах окружающих его людей. О себе он думал, что он герой – неповторим, успешен, обаятелен, серьезен.

На то были свои основания. Только что окончив школу и с успехом провалив вступительные экзамены в Московском ВУЗе, он все же успел поступить на вечернее отделение местного Университета, ну не без помощи родителей, конечно, и был принят на работу в солидное учреждение, естественно, тоже по протекции.

Переоценить роль отца и матери в жизни Володи очень сложно. Начиная с того, что произведен был он на свет именно ими, что вскормили и воспитали его в духе «уважения». Приучили уважать старших, уважать чужой труд, ценить дружбу, преданность и, наконец, Родину. А на самом деле всё было куда глубже, намного глубже. Всем своим поведением, отношением друг к другу, взглядами на жизнь они были и остаются примером. Их жизнь воспринималась Владимиром как некий эталон, их поступки – руководство к действию. С одной стороны,

можно позавидовать этому факту – сын своих родителей, никаких противоречий. С другой – в любом случае, у каждого должна быть своя дорога.

Так вот, первый день в солидном учреждении. Рабочий день. Именно это название, этого учреждения он пытался выучить скороговоркой, пока шел. «Ц-Н-Т-И... Ц-Н-Т-Б... ГИПД». Каждая в отдельности аббревиатура у него получалась замечательно, а повторить все вместе и разом – дело оказалось не простым. Полное название он выучил еще вчера: «Центр научно-технической информации и пропаганды, Центральная научно-техническая библиотека, группа информации и патентной документации». А должность!!! Просто фантастика, просто мечта, просто взрослее и серьезней нет на свете человека, чем он. Он – Владимир! Нет, Владимир Алексеевич – старший техник-ПА-ТЕН-ТО-ВЕД!!! Как звучит!!! И ко всему прочему, это учреждение находится на главной улице города. В своё время каждый знал, что на улицах с названием «Ленин», как правило, находились, да и теперь находятся, все главные учреждения. За редким исключением, если это не площадь и если она не Красная.

«Успел!». Стоя на ступеньках перед огромным количеством стеклянных дверей, Володя понял, что успел выучить это название и, повторив его еще раз про себя, стал изучать парадный вход. Его заботила самая главная вещь в мире: «Какая дверь открыта?»... И это, я вам скажу, совсем не смешно. Двенадцать створок одинакового алюминиево-грязного цвета и такого же оттенка, мощные, закаленные в боях за «вход-выход» стекла. Справедливости ради надо сказать, что и они порой сдаются под натиском, но почему-то обязательно тогда, когда «входяще-выходящий» хоть чуточку выпьет полбокала шампанского за новое назначение друга, которого он не хочет называть, чтоб его не «подставить». Вот как, спрашивается, справиться с этими стражами? Кто из них готов принять Володю в лоно взрослой жизни? Обидно будет, если его запомнят, как «того парня, который дергал все двери и которого обругал вахтер, которому «не до него» и «много вас тут таких». Обидно. Чудо произошло! Естественно, кому-то что-то понадобилось, скорее всего, сигареты. Ларек стоял тут же, рядом с остановкой, в двух шагах от «великого здания». И выходящий, наспех одетый мужчина указал ему путь. Конечно, можно было дожидаться входящих. Однако и здесь не всё так просто. У Владимира Алексеевича было и есть множество положительных качеств, но самое главное и важное качество, которое он лелеял в себе и совершенствовал год от года, – это все делать заранее, чтобы не опаздывать. Он со временем поймет, что для этого необязательно вставать загодя и потом часами ждать назначенного времени. Володя это поймет, потому что, в принципе, это никому не нужно, никто и никогда это не оценит. И даже в один момент разозлиться на это, разозлиться так, что еще очень долго пунктуальность будет казаться Владимиру уделом не только людей воспитанных, но и чрезвычайно смелых. Он поймет, но привычки своей не изменит, только менее трепетно будет к этому относиться. А приходить в назначенное место он, по-прежнему, будет заранее. Победоносное вхождение произошло! Предъявив строгой вахтерше (вахтер оказался женщиной), новенький пропуск, естественно, красного цвета, Владимир Алексеевич проследовал к лестнице, ведущей вверх.

Он не стал полагаться на чудо под названием «лифт» и очень об этом пожалел.

Как принято сейчас говорить, «офис ГИПД находился на последнем этаже». Огромные помещения, с высотой потолков около шести метров, заставлены стеллажами до самого верха, узкие проходы между ними и бумаги, бумаги, бумаги... Если бы нашелся человек, который проявил бы к этому интерес и стал изучать, что в этих бумагах, я думаю, что даже по теперешним временам он бы озолотился. Огромное количество информации, изобретений, труды ученых, разработки институтов – все это находилось в одном, никому не нужном месте. Подтверждением тому, что это не нужно никому, являлось количество мест в читальном зале этой научно-технической библиотеки – десять. За то время, которое предстоит Владимиру поработать в этой организации, он увидит лишь троих посетителей. Может, конечно, их было и больше, но он этого не заметил. Хотя точное количество читающих, ему было трудно знать,

его задача была систематизировать все эти изобретения, которые приходили по почте ежедневно в огромном количестве.

Чтобы было понятно, какое это «огромное количество», для этого достаточно представить тележку носильщика на железнодорожном вокзале, до верха загруженную чемоданами и сумками. Примерно так выглядела ежедневная корреспонденция, поступающая в это учреждение. Её действительно привозили на подобных тележках почтальоны с таким же видом, как и привокзальные носильщики. Все эти тюки сваливались на единственный, всегда свободный стол размером с бильярд. Этот стол и был рабочим местом Владимира. А еще он служил банкетным, чайным и столом для совещаний. И если вовремя не расставить по полкам и не занести в журнал весь этот объем макулатуры, то негде будет пить чай во время обеда, завтрака и в другое время.

Какое это время обеда, Володя так и не понял – то ли с часу до двух, то ли с одиннадцати до трех. Странное дело, в этой огромной организации была шикарная столовая, в ней было очень красиво и даже уютно. Готовили там достаточно сносно, даже вкусно. Особенно хорошо у них получались всевозможные пирожки и кулебяки. Однако обедать там считалось верхом неприличия и расточительства. Поэтому ее посещали в основном всевозможные секретари и помощники женского пола всевозможных заместителей и руководителей управлений. Да, да! В ЦНТИ было множество подразделений и управлений, каждое из которых боролось за переходящий вымпел. Боролось ежемесячно, ежеквартально, ежегодно и даже понедельно. Вымпел – это счастье, успех и гордость, выраженные в заметке в многотиражке и дополнительной премией руководителю подразделения. А еще это важный вид сотрудников, работающих в данном подразделении, который они демонстрировали, посещая указанную столовую.

Теперь становится понятно, почему иные, не вымпело-обладатели, не посещали этот элитный пункт питания. Борьба шла серьезная, однако, по странному истечению обстоятельств, этот «скипетр и державу» получали все, по очереди. В этом, наверное, был свой, скрытый для не посвященного смысл.

Владимир Алексеевич в коллектив влился! Даже почти сразу. Группой информации и патентной документации руководила Ольга Николаевна – молодая, страшненькая, но очень обаятельная, смешливая девушка. Энергии в ней было непочатый край. Смена положений, мимики, настроения происходила в ней с такой скоростью, что порой трудно было предугадать, в какой момент она серьезна, а в какой готова взорваться от смеха. Точно она, как взрыв! Нет, пожалуй, нет.

Взрыв – это нечто направленное, имеющее свою логику, прогнозируемое. Она же, если взрыв, то взрыв кометы, ядерный взрыв. Да и фамилия ее созвучна распространяемой ею энергией – Хамета. Все ее существо не могло подчиниться ни одному закону физики, и это с лихвой компенсировало ее внешнюю непривлекательность.

Давлетшина Марина Игоревна была ее замом. Доброжелательная женщина средних лет, полная противоположность Хаметы-кометы, сопереживающая всему миру и каждому существу в отдельности. Она всегда находила возможность поговорить о чем угодно и всегда с сочувствием и пониманием относилась к собеседнику. Ей, как обладательнице двух дочерей переходного возраста, были близки чаяния «безусых отпрысков», и любая история о молодой и несозревшей любви представлялась как роман, поэма и обязательно со счастливым концом. Если бы судьба распорядилась по-иному, то, возможно, теперь Марина Игоревна могла бы стать одним из авторов многочисленных любовных романов или сценаристом мыльных опер. Но, как обычно бывает в жизни, не всегда талант становится профессией, скорее – не становится.

А талантами она обладала – это точно. На одном из традиционных чаепитий Марина Игоревна поведала Володе душещипательную историю, которая странным образом запомнилась ему и даже, непонятно зачем, была записана в блокнотик. Раз уж она была записана и про-

извела впечатление, то было бы неправильным упустить ее. Поэтому цитирую ниже, что даст возможность понять тонкую натуру Марины Игоревны и тогдашнюю Володину впечатлительность.

Рассказ Марины Игоревны:

«Десять лет тому назад я работала на Прибороизмерительном заводе. К нам в отдел технической документации попадает молоденькая и очень симпатичная девочка, Альбина. Она только после школы, как Вы, Володя. Мы ее сразу полюбили, как собственную дочь. И настолько она была умненькой и обаятельной, что мы всем коллективом стали ее уговаривать поступать в ВУЗ или на крайний случай в техникум. За время общения с Альбиной мы так сдружились, что она стала появляться у меня дома. В конце концов, сблизилась со всей моей семьей и стала нам как родная. Уговоры по поводу поступления увенчались успехом. Из всего многообразия учебных заведений Советского Союза она почему-то выбрала Одесский институт связи. Это она потом мне рассказала, что всю жизнь мечтала попасть в Одессу, не просто поближе к Черному морю, а именно в Одессу. Для меня вначале это было странным. Мы ведь все стремимся в Столицу.

Так вот. Провожали мы ее всем коллективом и всей моей семьей. Переживали, плакали. Через некоторое время получаем письмо – поступила. Молодец. Писала она мне постоянно, даже чаще, чем родителям. Рассказывала обо всем.

Через год в одном из писем она мне рассказала, что познакомилась с красавцем-студентом своего института, пятикурсником. Влюбилась! Как она была счастлива, а он ее будто бы и не замечал. В итоге, скорее всего, из жалости и снисхождения он стал с ней встречаться. И в один прекрасный момент Альбина мне пишет, что она беременна. Приехала ко мне, плачет, спрашивает «что делать», матери ничего не рассказывает. А я – глупая женщина. Стала советовать ей про доктора. А потом думаю, нет, нельзя – молоденькая. И давай ее уговаривать, чтоб все маме рассказала. Уговорила! Мама ее – молодец. Поддержала ребенка. Говорит, рожай, воспитаем. Из роддома Альбину встречали все! Весело! Через какое-то время про эту историю узнали родители того парня. Да! Чуть не забыла, институт она вынуждена была бросить. Ну, не совсем бросить. Академический отпуск взяла. Потом перевелась на заочный. И... Все в порядке, короче. Родители узнали и забрали Альбину к себе, после родов.

Стали заставлять сына жениться. Он, ни в какую! Они его и прогнали из дома. Альбине у тех родителей было хорошо. Сын у нее родился. Внука очень любили. Через некоторое время все ж поженились. Долго привыкали. Но надо сказать, вот уже десять лет прошло – живут. Счастливы! Еще детей нарожали. Здорово! Правда?».

И ничего в этой истории не было особенного, но из-за чувственного и проникновенного ее изложения Володя тоже был обрадован таким прекрасным и трогательным финалом. А еще Марина Игоревна любила рассказывать Владимиру про подмосковную дачу своей тетки, где они с сестрами и братьями веселились, в детстве, дни напролет и издавали свой рукописный журнал с фотографиями и описаниями приключений.

В общем, впитывал Володя все эти истории, как губка. И рождались в его душе светлые, лиричные образы, которые положили начало формированию его тонкой душевной организации. Без того достаточно восприимчивый и немного сентиментальный, он стал себя представлять то драматическим актером, играющим «неповторимо» – Гамлета, то поэтом-лириком, выступающим перед огромной аудиторией, то художником, при жизни ставшим невероятно знаменитым.

Весь этот эмоциональный всплеск (или, как говорят психологи, «фон») формировал у Володи новые взгляды, ценности, стал придавать его натуре философский оттенок. В силу его возраста выглядело это как-то несурезно, не откровенно, даже немного фальшиво. Хотя сам Владимир так не думал. Он был уверен, что вся его жизнь обречена на успех. Казалось ему, за что бы он ни взялся, это будет обязательно великим делом, которое принесет ему

известность и славу. И в помощь всем этим размышлениям были мелодраматические рассказы Марины Игоревны. Вообще, эти беседы-рассказы стали новой страничкой в жизни Владимира. Ведь до этой встречи он никогда и ни с кем не говорил на подобные темы, а тем более с человеком намного старше его. У Марины Игоревны дочери были его возраста.

Именно теперь в Володиной голове возникали параллели похожестей и разностей, параллели семейных ценностей и дефицита времени. Сложная и напряженная жизнь его отца и матери внесла свои коррективы в их взгляды на повседневный быт и взаимоотношения «отцов и детей». Володин папа, Алексей Геннадиевич, всю свою жизнь воевал, в прямом смысле этого слова. Воевал на тех войнах, о которых даже теперь мало что известно, а мама, Ирина Яковлевна... Мама постоянно его ждала и воспитывала двух сыновей – Володю и его младшего брата Антона. Вот вам и ответ на вопрос, «как закалялась сталь» в отдельно взятой ячейке общества.

Соответственно, проявление нежности расценивалось как слабость, как недопустимость, как возможность уйти от реалий.

Строгость – вот что могло закалить, и защитить, и воспитать, и направить. Из-за этого Володя не переставал их любить и даже очень гордился, что у него такая семья. Гордиться было чем!

Первый трудовой коллектив, где пытался самоутвердиться Владимир, резко отличался от остального, что до тех пор его окружало. Был еще один человек в ГИПД, мужчина, только Владимир его почти не запомнил. Даже имени. В памяти – большой нос, огромные рыжие усы, нездоровая худощавость, при росте около метра шестидесяти. Привидение. Точно! Он вечно неожиданно пропадал и так же неожиданно появлялся. На первых порах, из чувства мужской солидарности, Володя пытался наладить контакт именно с ним.

Не тут-то было. Начав беседу на отвлеченную тему или же по вопросу рабочего процесса, Володя получал односложный ответ и терял «длинный нос» из вида. Даже какой-то азарт овладел им: «Как это, я и не могу расположить к себе человека?». Этому удивлению были веские основания – Владимир обладал способностью находить контакт с кем угодно и когда угодно. Эта способность была фактически врожденной, его отцу так же удавалось найти общий язык хоть с дворником, хоть с министром. Это качество Володя считал чуть ли не самым главным. Возможно, он был прав, по крайней мере, именно способность проявлять неподдельный интерес к человеку и искренне сочувствовать ему была приобретена им именно через это качество. И вот в случае с сослуживцем обычным талантом не обошлось. Пришлось приложить множество усилий, прежде чем состоялся контакт. В конце концов Владимиру Алексеевичу это удалось, помог случай.

В осенний период, когда сельское хозяйство, как обычно, не справлялось с внезапным обилием урожая в отдельных областях, всех деятелей умственного труда послали на помощь. И посыл этот был ожидаем, хотя радости среди рядового населения Центра не наблюдалось. Приходилось выползать из теплых, насиженных норок, отказываться от модельной обуви и традиционных напитков в фарфоровых чашках.

Взамен увеличение рабочего дня на время выезда в автобусах, ходьбы пешком по разбитым дорогам, потому что «колесо», «карбюратор», «машину на ремонт пора» и «вообще мне вас еще назад везти». Вечный бой, к которому не каждый приучен, и тем более не за свое. Правду говоря, к обеденному времени у многих почему-то наблюдалась радость и искорки в глазах. Нетрудно догадаться, что не единым чаем термос полон. Владимир Алексеевич в то время не был приучен к употреблению спиртного, однако, с какой целью он и сам не знал, всегда имел при себе не очень большую фляжку с коньяком. В родительском доме этого благородного напитка было предостаточно.

Освоив одну четвертую часть участка, выделенного на коллектив, в котором трудился Владимир, бойцы за урожай направились к месту отдыха. Разложив на свежих газетах, с пар-

тийными лозунгами о «догоним» и «перегоним», вареные яйца, бутерброды с колбасой и еще с чем-то домашним, у кого-то возникла мысль, что как-то зябко и сыро, не заболеть бы. И чудесным образом к трапезе появился дополнительный термос, который тут же придал бодрость духа и свежесть взглядов присутствующим. Наблюдая за происходящим, «длинный нос» тяжело вздохнул и произнес, почти шепотом и с нотками отчаяния: «Я бы с вами с удовольствием, да вот только водку не могу, как-то организм не принимает...

Коньячку бы грамм сто...». Недолго думая, наш Владимир Алексеевич, как фокусник, легким движением руки преподнес заветные граммы своему неразговорчивому коллеге. О чудо! Стоит ли акцентировать внимание на том, что именно Володя стал для «рыжеусого длинноноса» самым близким человеком на земле, которому можно доверить любые служебные тайны и домашние секреты! Да! Воистину «дорога ложка к обеду»!

Позже Владимир Алексеевич расскажет мне, что как-то нашел фото, на котором был запечатлен его первый рабочий коллектив, где на обороте подписи, среди которых – Игорь Сокол. И еще он вспомнит, что Игорь всеми фибрами души обожал всех женщин в целом, что его отчество Израилевич и что он очень не любил евреев.

Все шло своим чередом. День за днем. Работа – обед, учеба – ужин, выходные – за город. И ничего примечательного! В Университете каждый был занят своим делом, своими мыслями. Сокурсники Владимира – люди, как правило, взрослые, семейные. Получать свое высшее образование были направлены с мест трудовых подвигов, за великие заслуги в области литературы, педагогики, журналистики. Так случилось, что вечернее отделение филологического факультета в обозначенном учебном заведении – это некий симбиоз. Здесь учились и учителя средних школ, и руководители библиотек, и различные корреспонденты многотиражек, и даже фотографы. Всё дело в том, что факультета журналистики в Университете не было. Филфак давал специализации, под названием «отделения». Вот и Владимир Алексеевич учился на филологическом факультете, отделении «журналистика». Почему именно так? А кто его знает? Выбор был за ним. Когда, после поступления, заполняли очередные анкеты по профилю, Володя указал журналистику. На том и решились.

Однако надо знать Володю, он сумел извлечь из этого пользу. В те времена были очень распространены всевозможные конкурсы на замещение вакантных должностей. И вот в один прекрасный день, когда летние отпуска уже забылись, а к Новому году еще никто и не собирался готовиться, Володя шёл, после работы, в свою «альма матер». До занятий было еще много времени, почти два часа. Как обычно, он купил в ближайшем киоске «Союзпечать» свежий номер молодежной газеты «Ленинец» и заскочил в кафе-мороженое, которое тоже имело очень оригинальное название – «Ли́ра». Владимир Алексеевич очень любил выпить перед занятиями кофе, который готовили из молотых зерен, съесть пирожное «Опера» и прочитать две последние страницы упомянутой газеты. На этих полосах всегда печатали фельетоны, смешные случаи и объявления. Читать объявления – дело тоже очень забавное, так считал Володя. И я, пожалуй, с ним соглашусь.

Сделав последний глоток почти остывшего напитка, Володя уже собрался свернуть газету и продолжить свой путь, как его внимание привлек абзац с заголовком «Внимание» и тремя восклицательными знаками. В нем говорилось о том, что центральная областная газета «Советская Республика» объявляет конкурс на замещение должности корреспондента, в рубрику «Корпункт Молодость». Ниже был приведен перечень необходимых документов для участия в конкурсе.

Еще нужно было написать несколько статей для оценки творческой состоятельности соискателя или же выслать ранее публиковавшиеся. Владимиру особенно понравилось в этом объявлении то, что не было необходимости куда-то идти, всё можно было отправить по почте, простой бандеролью.

Наверное, именно этот факт и заставил его ввязаться, как говорится, «во все тяжкие». Уж очень ему не хотелось посещать присутственные места, да еще и позориться, в случае провала. А провалиться он мог! Даже был готов к этому. В душе была мысль об уникальности своей натуры, о неисчерпаемом таланте и обреченности на успех. Грезы и рассудок у Володи всё же были в конфронтации. Эта борьба приводила в равновесие итоговые решения и поступки. Надежды оставались.

Вечером, после ужина и просмотра партийно-популярного блокбастера, боевика и мелодрамы, в одном сюжете «программы «Время», Владимир Алексеевич сел за письменный стол. В доме уже все улеглись отдыхать. Именно отдыхать, засыпали все гораздо позже. Отец любил послушать в полумраке радио, мама – почитать. Разве что младший брат Антошка – у него режим, завтра в школу. Это время Володя очень любил. Было как-то уютно, спокойно, умиротворенно.

Очень хорошо думалось, мечталось. Квартира, где он жил с родителями и братом, была не очень большая, но имела три комнаты. В одной из них и проживали бок о бок два брата. В комнате были шкаф, две кровати, а между ними один письменный стол. Днем этот стол принадлежал Антону, когда он делал уроки и что-то там моделировал, а вечером с десяти часов – старшему брату.

Сев поудобней на мягкий стул, Владимир Алексеевич положил перед собой стопку бумаги, взял в руки ручку и задумался. Задуматься было над чем. Чтобы продемонстрировать творческую составляющую собственного «я», ему нужно было написать что-то острое, животрепещущее, социальное и лирично-описательное. «М-да-а-а... – подумал про себя Володя, – это дело непростое. Что же я могу рассказать такое, чего никто еще не рассказывал. Как удивить? Может, написать про отца? Да нет, я думаю, об этом и вовсе нельзя.

Ах да, напишу про свое детство. Как мы... А кому будет интересно? Думаю, никому. Вот что, мне кажется, главное – нужно писать с открытой душой, правдиво. С лирикой вроде просто. Возьму и опишу то, что я вижу из окна и что чувствую».

Решение – результат. Опус был готов в течение часа и уместился на две страницы ровного и изящного почерка. У Володи действительно был очень красивый почерк, это его гордость. Он вообще очень любил писать. Хотя писал весьма безграмотно. Правописание у него не было, так сказать, «врожденным». Сказывался тот факт, что долгое время, почти пять классов, он учился в далеких сельских школах, где вечно не хватало учителей, да и требования были очень заниженными. Поэтому, прежде чем окончательно согласиться с написанным текстом, ему приходилось подолгу проверять собственные ошибки, даже открывать всевозможные словари и энциклопедии. Видимо, по этой причине Володя очень любил книги, рассказывающие кратко и о многом. Еще с тех пор он стал постоянно пополнять свою библиотеку различными справочниками, атласами с комментариями, теми же словарями и энциклопедиями.

Первый шаг был сделан. На следующий день Володя запланировал написание острой статьи и весь день думал только об этом. Опять случай. Во время очередного чаепития, в составе всей Группы информации и патентной документации, его сослуживец Игорь стал рассказывать о чуде техники, которое появилась этажом ниже. Этой техникой была вычислительная машина. Сейчас все очень просто, мы уже привыкли к компьютерам, которые достигли своих размеров до невообразимо малых. Тогда же под ЭВМ выделялась отдельная комната площадью метров сто пятьдесят квадратных, и работало на ней не менее трех человек. Однако это был прорыв. «Ура! Вот и тема, – подумал Владимир Алексеевич, – и злободневно, и современно! Напишу я, пожалуй, об этом. Может, и для своего предприятия доброе дело сделаю».

Через день все было готово и отправлено по почте. С этого момента жизнь превратилась в сплошное ожидание. Два раза в день, утром и вечером, Володя проверял почтовый ящик. Ответа все не было. И вот в очередном номере любимой Володиной газеты, появилось еще одно объявление, в котором поздравляли победителей конкурса на замещение вакантных должно-

стей. Владимир Алексеевич впал в состояние горестного оцепенения. Трагедия длилась долго. Ему казалось, что все это несправедливо, что если я им не подошел, то, может, нашли бы причину, хоть позвонили, поговорили, сказали, мол, в следующий раз. Всё было бы проще перенести удар. Одно радовало – об этом конкурсе он никому не говорил: «Никто не знает, значит, и нет поражения». На этом и успокоился.

Успокоился ненадолго. В тот день как-то всё удачно складывалось. Вечером занятий в Университете не было, и рабочий день сократили в связи с подготовкой к какой-то конференции. Уже где-то в половине четвертого Володя шагал в сторону дома, привычной дорогой. В квартире пусто. Родители на работе, а младший брат в школе – в группе продленного дня. Переодевшись в спортивный костюм, Володя достал проигрыватель и поставил пластинку Бинга Кросби.

Очень хорошая музыка и песни, а еще это один из немногих музыкантов, пластинку которого можно было купить запросто в магазине. Времена были такие, всё зарубежное было недоступно, а та маленькая толика, что просачивалась в массовое потребление советскими гражданами, подвергалась тщательному изучению со стороны цензуры. Звучащая музыка стала навевать размышления. Нет, скорее фантазии и мечты. Владимир Алексеевич почему-то представил себя известным танцором степа. Мечты завели его так далеко, что он уже очень четко стал видеть сцену, почти осязать ритм музыки, свои движения и восторженные взгляды публики. Как водится, на самом кульминационном моменте, в тот миг, что называется «славой», и чуть было цветы не полетели под ноги «великого таланта», раздался телефонный звонок.

– Алле, – привычно ответил Володя.

– Здравствуйте, будьте добры, позовите к телефону Владимира Алексеевича, – произнес усталый голос.

– Я слушаю вас, – безразлично ответил тот, кого спрашивали.

– Владимир Алексеевич, Вы направляли документы в наше издательство, на конкурс замещения вакансии корреспондента. У нас есть предложение. Нам нужен внештатный корреспондент в редакцию. В его обязанности будет входить подбор материалов для «Корпункта Молодость». Материал должен быть посвящен комсомольцам, готовящимся вступить в партию. Справиться? – монотонно произнес все тот же голос.

Несколько секунд телефонного разговора и огромный шаг в судьбе человека. Вот так бывает. Бывает еще, когда очень ждешь, волнуешься, трепетно считаешь минуты до важного для тебя события, а в результате – крах, разочарование, обиды на судьбу. Может, именно поэтому люди очень часто говорят: «Не загадывай – не сбудется». Конечно, на первый взгляд, это может показаться глупым суеверием, но будьте покойны – судьба испытывает тебя, и когда ты проявляешь терпение и некую уверенность – получаешь вознаграждение. Такое происходит на каждом сделанном тобой шагу.

«Дом печати» находился тоже на важной улице городка, где жил Владимир. Не просто улица, а целый проспект имени 60-летия Октября. Этот проспект служил неким мостом, соединяющим партийно-элитный центр города и промышленную окраину. Очень символическим было то, что именно здесь находились основные «очаги» местной культуры: Русский драматический театр, Центральная спортивная арена, Цирк и то здание, к которому сейчас направлялся Владимир Алексеевич.

Внешне «Дом печати» напоминал большой куб, без каких-либо отличительных особенностей, этакий «советский минимализм». Внутри помещения располагалось множество издательств, редакций и всевозможных организаций, связанных со средствами массовой информации и производством научно-популярной, партийно-политической и иной периодической литературы. Два этажа этого здания-саркофага занимала самая важная организация – редакция областной партийной газеты «Советская Республика». Володе очень понравилась невольная метафора – саркофаг. Про себя он добавил: «Саркофаг надежды».

Маршируя по длинному и ровному, как взлетная полоса, коридору в поисках комнаты номер 402, он тщетно пытался стереть со своего лица глупую улыбку. За дверями, расположенными по обе стороны коридора, были слышны звуки творческого процесса: телефонные звонки, стук печатной машинки, бурные обсуждения, шуршание бумаг. Эти звуки сливались в один громкий шепот, который как бы вторил Володе на ухо: «Скоро и ты будешь с нами, и ты причастен к общему делу». В душе у него все клокотало от предчувствия успеха.

В голове рождались образы. То он на вершине славы как самый талантливый журналист, то его приглашают взять интервью у самых важных людей Страны, а он в ответ листает свой календарь дел и сообщает, что «найдется время на следующей неделе». Говорят, что перед смертью пролетает вся жизнь перед глазами. Так и у Владимира Алексеевича, пока он шел по коридору, пролетела вся предстоящая жизнь. Не жизнь, а сплошной успех!

– Проходите, садитесь, где удобно. Меня зовут Сергей Иванович Соколов, я – заместитель главного редактора и отвечаю за партийно-политическую составляющую нашего издания, – произнес, не поднимая головы от рабочего стола, круглолицый мужчина лет сорока.

Для Владимира было неожиданностью увидеть столь молодое и жизнерадостное лицо. Образ главного редактора или же замов, рожденный в его сознании, не соответствовал тому, что было воочию. Это должен быть человек в годах, умудрённый опытом, обязательно должны быть курительная трубка в зубах, борода, усы, седина на висках. А тут? Оказалось, что Сергей Иванович вообще не курил, лицо его светилось, и общался он как-то запросто.

– Что от вас требуется? Ограничений нет, вы самостоятельно ищете интересный материал о комсомольцах, которые собираются вступить в ряды КПСС, и что для этого они делают... То есть, какие шаги предпринимают, как стараются себя зарекомендовать, интересные дела, поступки, – продолжал Сергей Иванович, делая небольшие паузы. – Вы уж извините меня, завтрашний номер «горит», кое-какой материал нужно поправить. Не сделаешь сам... В общем, спуститесь на этаж ниже, в 312-ю комнату, там пропуск на вас выписан. Фото с собой? Отлично! Материал должен быть раз в неделю, кое-что я вам буду сам подбрасывать, в основном же самостоятельно... Через три дня жду первый результат.

По всем вопросам ко мне. Удачи, – заспешил новый Володин шеф.

Владимир Алексеевич вышел на улицу. Дело шло к зиме, пошел первый снег. Если быть точным, то первый снег уже был, только растаял, теперь идет тот, который ляжет на землю родного города вплоть до весны. Уже стало рано смеркаться. Новенький пропуск с надписью «внештатный корреспондент» грел Володину грудь. «Вот он, пропуск в новую жизнь».

Теперь все зависит от меня, – думал он. – С чего же начать? Где взять материал? Надо обзвонить друзей, знакомых, может, что-то и получится». Дышалось легко, настроение было великолепным, и Володя решил, что пару остановок пройдет пешком. Ему было так хорошо, в преддверии нового дела, что он и не заметил, как оказался в паре кварталов от дома, а расстояние было немалое.

Закружилось, завертелось. Первое время Владимир Алексеевич не замечал, как один день сменяет другой. По городу он не ходил – летал. Рождались идеи, одна за другой, и с таким же успехом они отменялись Сергеем Ивановичем. Он уже устал повторять Володе, что от него требуется и слезно просил не «генерировать» чересчур. Володя же не переставал по каждому поводу появляться на пороге редакции, хотя можно было просто позвонить по телефону. Постепенно пыл его стал спадать, жизнь принимала размеренный ритм, и, в конце концов, все превратилось в рутину. С периодичностью раз в неделю появлялась на передовице колонка с громким названием «Корпункт Молодость», в которой рассказывалось об очередном секретаре комитета комсомола, бригадире, нефтянике и даже милиционере, которые «были лучшими из лучших, и поэтому их рекомендуют в ряды КПСС».

Володя пытался внести в тексты этих статей какую-нибудь интригу или добавить немного лирики, но это пресекалось еще в зародыше. Поначалу внешкор Пашков расстраивался и даже

пытался оскорбляться, но этого никто не замечал. Поэтому дело делалось. Раз в неделю он исправно получал почтовые переводы с гонорарами, жил своим распорядком дня и, уже тихо, радовался тому, что не за горами время, когда его оценят и признают. На своей основной работе, где он был «штатным» техником-патентоведом, Володя, первое время немного отдалившись от коллектива, стал вновь присоединяться к регулярным чаепитиям и слушать местные байки. В Университете стало легче учиться. Преподаватели, естественно, узнали, что Владимир Алексеевич сотрудничает с таким важным и серьезным изданием, и, конечно же, стали более лояльны. За исключением одного человека – Льва Григорьевича Барака. Володя до сих пор вспоминает о нем с теплотой.

Профессор Барак был очень колоритной личностью. Огромного, почти двухметрового роста старик, неестественно худого телосложения, с густыми бровями соломенного цвета и такой же шевелюрой; всегда аккуратно одет в костюм-тройку и белую рубашку с галстуком. Лев Григорьевич преподавал на курсе «Теорию литературоведения». Предмет не самый увлекательный, если бы не его рассказы о публичных чтениях, которые, в далекие времена, устраивал сам Маяковский, и он, будучи «молодым и горячим», с «неистовым наслаждением» их посещал. От этих рассказов студентам казалось, что профессору было лет сто, не меньше. К своему предмету Лев Григорьевич относился ревностно, хотя внешне этого и не скажешь. Он вообще был очень спокойным и доброжелательным, однако, если вдруг по его предмету не удастся сдать зачет или экзамен, с первого раза, то на пересдаче нужно было знать всё и даже чуть больше. Контрольные профессор Барак оценивал двумя оценками – «НБ» и «БСК». «НБ» означало «Нота Бене», что в переводе: «Обратите внимание! Вам нужно доработать эту тему!», а «БСК» – «Бред Сивой Кобылы», значит, Вы – полный «ноль». И как следствие, долгое и упорное хождение на пересдачу.

Володино близкое знакомство с Львом Григорьевичем произошло очень забавно, еще на первой сессии. Сдача экзаменов и зачетов шла у Владимира Алексеевича успешно, вот только по странному стечению обстоятельств, которое называется «лень» и «самоуверенность», он совсем упустил из виду «Теорию литературоведения». Фактически дня за два до экзамена был открыт учебник. Володя судорожно пытался заучить основные постулаты этой великой науки, но, как обычно это бывает, знания никак не хотели усваиваться, а мысли разбегались в разные стороны. А тут еще слух прошел, что Барак, когда слушает ответ на билеты, засыпает, если говорить негромко и монотонно. Наш студент, конечно же, клюнул на эту байку.

Первым вопросом Володе попала «Теория стихосложения», которую он прошептал с переменным успехом, плавно переходя на примеры из жизни и цитирование своих же школьных стихов, написанных в свое время для стенгазеты. Следующими вопросами шли какие-то решения последних съездов и творчество лауреатов всевозможных премий. Не меняя интонации и сути, Володя переходил от одного вопроса к другому. Бодрости добавлял тот факт, что действительно, почти с первых слов, профессор Барак обмяк в кресле, положил голову на грудь и ровно засопел. Ах, если бы было так!

Многие не учли его старческое дыхание и густые брови, которые, при опущенной голове, полностью закрывали глаза, и было непонятно, спит человек или внимательно слушает.

Итог – пересдача. Долгая и упорная!

Но это событие сыграло и свою положительную роль. Предмет Володя стал знать на «отлично» с хвостиком, а слабые попытки стихосложения в пионерском прошлом, при помощи Льва Григорьевича Барака, превратились в полноценные поэтические произведения. Справедливости ради надо сказать, что Володя так и не взмошел на Парнас как пиит, да он и не стремился к этому. Хотя кое-где в печати мелькали его произведения и даже имели положительные отклики. Может, еще и поэтому полученный от профессора Барака заряд творческих идей и поисков заставлял Владимира Алексеевича подходить к написанию статей для «Советской Республики» неординарно. Но этого никому не надо было. Существовал опреде-

ленный набор слов и словосочетаний, который нужно было вставлять в любой текст. Если это не выполнялось, следовательно, вы не о том пишете. «Решением партии и правительства», «самоотверженный труд», «материалы съезда», «коммунистический резерв», «настоящий ленинец», «по примеру старших товарищей» – и всё в таком духе. Володя очень быстро научился этой словесной эквилибристике и уже, чуть было не смирился, как в один из дней Сергей Иванович позвонил ему сам и попросил подъехать в редакцию. «Странное дело, – подумал Володя, – наверное, я ему надоел со своими выкрутасами. Я вроде исправился, перестал безудержно творить. Будет жаль, если меня попрут».

– Вов, тут такое дело, – они уже давно перешли на «ты», но Володя, дабы соблюсти субординацию, по-прежнему называл его по имени отчеству. Лишь изредка позволял себе обратиться к шефу «Иваныч», и то, когда у того было хорошее настроение, – в комсомольской организации Русского драматического театра секретарь комитета собирается вступить в партию, ей должны присвоить Заслуженного артиста Республики. Нужно написать об этом развернуто, красиво, подчеркивая творческий подход к делу. В общем, так, как ты умеешь.

Тут раздался телефонный звонок, после которого Сергей Иванович продолжил:

– Нужно начать немного издалека. Опиши общие дела комсомольской организации, роль руководителя, мнения сослуживцев, какие-то интересные события, проводи параллель между сыгранными ролями и ее реальным характером. То есть полноценный очерк. Лучше будет, если он пойдет на несколько номеров. Разбей его на части. Директору театра я уже позвонил и сказал, что именно ты приедешь. Вперед – дерзай.

Впервые в своей жизни Володя входил в театр со служебного входа. Ему казалось, что он прикасается к нечто тайному, недоступному окружающим. От этого сердце его заколотилось сильнее, он ощутил некоторое волнение и радость. Радость предвкушения от встречи с настоящими деятелями искусств. Да, именно так он считал. И пусть театр провинциальный, и пусть актеры не гремят на всю страну, но даже здесь они вселяют в людей надежды, с помощью их таланта зрители учатся чувствовать, сопереживать. Нельзя недооценивать самобытность глубинки. Если эти люди находят своего зрителя – уже великое дело! А в этом театре всегда аншлаги! Владимир Алексеевич и сам не упускал случая попасть на спектакль, а если это была еще и премьера, то просто счастье. А еще в этом городе люди очень любили обсуждать увиденное, делиться впечатлениями, поэтому любая театральная постановка – всегда событие и не на одну неделю. Ну и вдобавок ко всему, Володина юношеская впечатлительность давала о себе знать. Ему сразу же захотелось показать свой талант. Он даже размышлял о том, что с ходу, только с первых слов, сказанных им, все поймут, что он – настоящий артист и именно его не хватало в труппе, а главный режиссер тут же предложит главную роль, в каком-нибудь очень интересном спектакле.

На самом же деле все было достаточно прозаично, творческие процессы были очень похожи на производственные, и в трудовом театральном коллективе тоже существовали свои планы, отчеты, графики, сметы. Были в нем и свои прогульщики, любители выпить, карьеристы, только все это выглядело ярче, насыщенней и от этого неприятней. Но суть не в этом. Суть в том, что Владимир Алексеевич почти на месяц фактически поселился в театре, и статьи за статьей выходили с легкостью и подъемом. Пока не случилось то, что в корне поменяло Володины взгляды на окружающий мир и на то, что он делал и делает. Русло его жизни поменяет свое направление на сто восемьдесят градусов.

В то время было распространено так называемое «шефство». Теперь это носит название «спонсорство» или «меценатство», но иногда еще встречается в речи: «наши шефы», «подшефная организация», «шефы любезно предоставили» и так далее. Так вот, подшефной организацией у Русского драматического театра был Детский дом. Этот Детский дом находился недалеко за городом, минут тридцать на машине. Всё театральное сообщество очень ревностно относилось к шефству, я бы даже сказал с любовью, самоотверженностью и большой гордостью.

Особых возможностей у артистов, конечно, не было. Зарплаты небольшие, нагрузка высокая, плюс постоянные занятия то хореографией, то вокалом. Опять-таки гастролы. Нет, не в том понимании, к которому мы привыкли.

Это не красные дорожки, не великие сцены и заграничные отели, нет. Гастролы в провинцию – в колхозы, совхозы, затерянные деревушки, сельские клубы, дома культуры или же просто – поле, коровник, сеновал и всё в таком духе. Бывали и другие, почти настоящие гастролы, только очень редко и в пределах Стран Соцлагеря. При этом у артистов хватало смекалки помогать детям. Это и театрализованные представления, ведение различных кружков, конкурсы с небольшими, но все-таки подарками. А еще собирали с миру по нитке какие-то вещи, из которых выросли собственные дети, игрушки, карандаши, тетрадки – Детский дом нуждался во всем, что ни предложи – всё пригодится.

– Владимир Алексеевич, – обратился главный режиссер театра Игорь Николаевич Березин, – завтра ребята едут в Детский дом. Собрали кое-что, и «День именинника» хотят провести. Не желаете составить компанию? Увидите наш коллектив с другой стороны.

– Конечно, – живо отреагировал Володя, – а можно и мне поучаствовать? В смысле, принести что-то.

– Несите что не жалко, а если прихватите сверх того, то никто не осудит, – улыбаясь, ответил Игорь Николаевич, – там всё нужно. Машина в восемь от театра отходит.

Ехали молча. За окном уже почти весна, солнце стало теплее греть, в середине дня даже припекать. Проталины, ручейки и всё, что уже было описано великими поэтами и писателями. Настроение у Владимира Алексеевича было умиротворенно-лирическим, в таком спокойном состоянии он уже давно не находился, даже чуть не задремал, убаюкиваемый легким покачиванием микроавтобуса. Это продолжалось недолго, уже через двадцать минут транспорт свернул на проселочную дорогу, и пассажиры очень быстро взбодрились от штормовой тряски, вызванной качеством асфальтового покрытия или, быть точнее, – его отсутствием.

Трехэтажный особняк, в стиле барских имений середины девятнадцатого века, встретил веселым шумом, свистом и криками. Со стороны казалось, что само здание было радо появлению старенького «Рафика», именно так любовно называли свой микроавтобус артисты театра. Дом зашевелился, закачался из стороны в сторону и как будто улыбнулся долгожданым гостям. Из парадных дверей, словно длинный язык, вывалилась толпа разновозрастных и разнополых ребятшек. Казалось, их было очень много, но это только казалось. Необузданная энергия, постоянное движение, взмахи руками, раздуваемые от бега полы незастегнутых пальто и курток – всё это создавало впечатление стихии, извержения раскаленной лавы. Дети облепили гостей и тут же стали о чем то наперебой рассказывать, спрашивать, смеяться. И Володя не остался без внимания; он, как и остальные, оказался зажат в добрые тиски внимания и радости. От этой неожиданности Владимир Алексеевич растерялся, у него даже в глазах потемнело, душа затрепетала. Он еще никогда не испытывал таких эмоций, тем более от общения с детьми. Пытаясь отвечать невпопад на множество непонятных вопросов, Володя фактически был внесён в дом.

В холле особняка Владимира Алексеевича и сотоварищей встречала полная женщина с добрым и очень усталым лицом – директор Детского дома. Не так он все себе представлял, не так. Внешне пошарканная обитель явила свою внутреннюю чистоту и аккуратность. В помещениях было светло и уютно, хотя, приглядевшись, можно было понять, что ремонта требует абсолютно всё. Ощущалась забота и внимание к своему дому. На первом этаже, в центре, располагалась широкая лестница, ведущая на остальные уровни, по левую и по правую сторону от нее – коридоры с кабинетами преподавателей, воспитателей и огромная столовая.

Второй этаж был предназначен только для учебы. На нем находились несколько классов и аудиторий, библиотека с читальным залом, небольшой спортивный зал. Третий этаж целиком отведен под игры, развлечения и отдых. Отдельные спальни для мальчиков и девочек, быто-

вая комната с гладильными досками, утюгами и различным шитьем (в нее допускались только старшие и то под присмотром нянечек и воспитателей), большая игровая с небольшой сценой, горой игрушек, стульями и фортепьяно. В комплекс Детского дома входило еще несколько строений: это отдельный дом для сторожа и истопника, котельная, баня-прачечная, склады и гараж. Перед домом красовалась круглая, выложенная побеленным кирпичом клумба, слева и справа от нее был детский городок с горками и качелями и спортивная площадка по типу «коробка».

В детском доме жили, учились, радовались мелочам, встречали праздники около шестидесяти человек в возрасте от семи до пятнадцати лет, по-другому говоря, с первого по восьмой классы. Дальше их ждала разная судьба.

Мальчишек в основном, направляли в профессиональное училище при нефтеперерабатывающем заводе. Девчонки стремились в педагогическое или медицинское училища, некоторые шли учениками на хлебозавод. А там, почти уже сразу, взрослая жизнь. Общежитие, работа, смена, отпуск, снова работа. Кто был понастойчивей – поступали в нефтяной техникум или даже институт.

Недалеко от Детского дома находилась военная вертолетная часть, которая фактически и стала родоначальником этого Детского дома. Офицеры этой части участвовали во всех военных событиях того времени, очень много было погибших. Матери не справлялись и с работой, и с воспитанием детей. Тем более что ближайшая деревня была не так близко, а именно в ней находилась средняя школа. Вот и было решено вначале создать школу-интернат, а уже потом, спустя много лет, она была преобразована в Детский дом-интернат. Для детей без родителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.